

люди искусства

ПОД КРЫЛОМ ЧАЙКИ

Борис ЛЮБИМОВ

...Из «Летописи жизни и творчества К. С. Станиславского» И. Н. Виноградской: «1931. Апрель 4. Прослушивает учеников группы З. С. Соколовой, в числе которых будущая актриса МХАТ С. С. Пилывская...»

Это первая дата, связывающая Софью Станиславовну Пилывскую с Художественным театром. Чуть позднее, в мае 31-го, ее бывший соученик, к тому времени уже актер вспомогательного состава театра, скажет Пилывской, что она приглашается на показ самостоятельных работ молодых мхатовцев для того, чтобы комиссия заодно могла и ее просмотреть (так что на апрельском показе, видимо, Пилывская понравилась Станиславскому). И вот, прочитав на показе стихи Блока и Есенина, монолог Василисы Мелентьевой, Пилывская дождалась вызова к тогдашнему заведующему труппой Е. В. Калужскому: «Вы зачислены во вспомогательный состав труппы Художественного театра». Это было в мае 31-го, 50 лет назад.

Не так уж часто празднуются юбилеи, отмечающие полвека труда. Еще реже бывает, чтобы все пятьдесят лет человек проработал на одном месте. Когда же такую дату празднует человек театра, да еще Художественного, уникальность ее становится особенно очевидна: считанные единицы за всю историю существования МХАТа отмечали подобное событие. Ведь это значит, что юбиляр причастен к самому главному, что было в жизни театра и культуры в нашей стране, в той или иной степени связан с самыми выдающимися явлениями сцены, с теми людьми, что предопределили направленность мирового театрального процесса.

Тридцатые годы — это было трудное, но и блистательное, и радостное время для актеров МХАТа. Блистательное потому, что никогда не было в истории театра такого созвездия талантов, как именно в те годы. И не просто созвездия талантов, но талантов в расцвете сил. У тогдашних «стариков» открылось «второе дыхание» — Качалов в «Воскресении», Москвин в «Горячем сердце», Книппер-Чехова в «Дядюшкином сне» обнаруживали новые грани своего дарования вместе с новым репертуаром и новым временем. А молодежь... Тарасова и Степанова, Андровская и Соколова, Еланская и Зуева.

На каждую роль, на каждое амплуа два, а то и три молодых исполнителя.

Но как раз поэтому время и было трудное. Ибо если в труппе уже есть два-три исполнителя, то в четвертом особой необходимости нет, и он этой роли может не получить, а если и получит, то лишь по случаю. Это обычная драма поколения, при-

шедшего чуть позже расцвета предъядущего и чуть раньше подъема другой волны. Пилывская в полной мере познала счастье общего триумфа и значительно меньше — радость личного успеха.

Когда спрашиваешь Софью Станиславовну о годах артистической юности, в центре рассказов — веселье и розыгрыши. Тут много, конечно, от традиционно мхатовского веселого отношения к жизни, от его «капустников». И от людей, что окружали Пилывскую в те годы, от ее компании, а входили в нее лица с чувством юмора куда выше среднего уровня. Грибов и Дорохин, вскоре ставший мужем Софьи Станиславовны, Раевский и Шверобуевич, Массальский и Коиский. Едва ли не каждый вечер встречались они в том или ином составе после спектакля и с удовольствием брали с собой молоденькую Зою Пилывскую, видя в ней товарища во всех розыгрышах и шутках, как и во всех серьезных разговорах.

Но не только общей атмосферой театральной молодежи МХАТа жила Пилывская. Вскоре стало пробиваться и свое, личное. Пришли роли. Сначала эпизодические — в «Платоне Кречете», затем во втором составе в «Пивниском клубе», в «Чудесном сплаве», в несостоявшемся «Борисе Годунове», Софья в «Горе от ума». И, наконец, премьеры. В конце 30-х — начале 40-х годов, сыграв Машу в «Половчанских садах» Л. Леонова, Машу в «Кремлевских курантах» Н. Погодина, Александрину Гончарову в «Последних днях» М. Булгакова, Пилывская становится едва ли не самой перспективной из молодых актрис МХАТа.

П. А. Марков, как известно, был критик скупой на похвалы. Существительное у него всегда было важнее прилагательного. Но особенно редки эпитеты в его суждениях о мхатовских актерах. Тем более стоит прислушаться к его оценке ранних ролей Пилывской. Роль Маши в «Половчанских садах» он называл в числе тех, что «были показаны с настоящей внутренней зоркостью и великолепной сценической характерностью», выделяя «поистине прекрасную» сцену свидания Маши с Отшельниковым. Особенно ценно упоминание Марковым роли Марини из не показанного зрителю «Вориса Годунова». И потому, что исполнение Пилывской называется «блестящим и глубоким», и потому, что имя ее стоит рядом с именами Тарханова и Грибова, Леонидова и Москвина, Белокурова и Качалова.

Драматическое дарование Пилывской сочетается с уникальными внешними данными, уникальными в самом прямом смысле слова — она не похожа на тот или иной актерский тип или драматур-

гическое амплуа. Странный разрез глаз придает лицу то редкостно злое выражение, то выражение смущения, застенчивости. Поистине — «лица необщее выражение».

Я видел «Синюю птицу» добрый десяток раз в школьные годы, видел и позднее, но злее и страшнее, чем Пилывская, никто не играл «Ночь». Какие там ужасы, призраки, чем они могут напугать Тильтиля после того, как он видел в темноте ее глаза, сверкающие лютой ненавистью, лишь оттеняемой зловеще-вежливыми интонациями. Роль эту Пилывская сыграла перед войной, а последний раз — года три назад, на юбилейном 2.500-м спектакле «Синей птицы».

Ну, а лучшая роль Пилывской, где проступило глубинное, затаенное, часто скрываемое предлагаемыми обстоятельствами, где прозвучала лирическая тема, — роль Александрины Гончаровой, сестры Натальи Николаевны Пушкиной, в «Последних днях» М. Булгакова. Все здесь сказалось — и ощущение спектакля как реквиема по недавно умершему художнику, близкому не только театру, но и самой актрисе (с вдовой Булгакова, Еленой Сергеевной, Софья Станиславовна была связана многолетней дружбой); и традиционный мхатовский «пушкинизм»; и чувство стиля, свойственное Пилывской; и сама тема преданности, верности, готовности к утрате, тема мужества. И, конечно, последние репетиции с Вл. И. Немировичем-Данченко, скончавшимся в год премьеры.

Об одной из репетиций, раскрывающей и суть образа Александрины, и сложность режиссерского подхода к роли, Пилывская вспоминает: «Я спросила у Владимира Ивановича, влюблена ли Александрина в Пушкина? Владимир Иванович ответил: «Вы должны сыграть так, чтобы те, кто считал ее влюбленной, остались при своем мнении, а другие — при своем». Роль эту Пилывская играла до 1959 года. В послевоенные годы репертуар актрисы складывался так, что удовлетворение давали скорее входы в старые спектакли, чем участие в новых, таких, как «Алмазы» или «Лермонтов». А вот роль Настеньки в «На дне» дорога и сама по себе, и радостью общения на сцене с Грибовым, Орловым, Массальским. И тем, что когда-то ее играла Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Роль эта упоминается актрисой в числе любимых.

В предисловии к двухтомнику воспоминаний, статей и писем О. Л. Книппер-Чеховой В. Я. Виленкин называет С. Пилывскую «близким другом» Ольги Леонардовны. Не часто в артистической среде встречается такая дружба между актрисами столь разных поколений. Материнская нежность звучит в письмах Ольги Леонардовны к Пилывской, в ее обращениях: «Зоя дорогая, милая, хорошая, золотая». А в письме, где Книппер дает советы по работе над ролью леди Чивли из «Идеального мужа» (стати, тоже ввод Пилывской!), чувствуется голос старшего друга, наставника, передающего опыт.

Двадцать пять лет преподает в Школе-студии МХАТа профессор С. Пилывская. А Лазарев, В. Невинный, Алла Покровская, А. Ромашин, Г. Бортник — среди ее учеников. Любимая ученица Пилывской — киевлянка В. Заклучная.

И с театром не расстается С. Пилывская. В ее творчестве открылось новое амплуа — старух. Вот уже почти десять лет она играет Бабу в родинской пьесе «Валентин и Валентина» — старуха с папиросой в зубах — за брызливой, ворчливой интонацией скрывающая любовь к внучке, — еще раз напомнила зрителям, режиссуре и критикам, как много неиспользованных возможностей таит в себе любая подлинная артистическая индивидуальность.

А еще кино и телевидение. Сейчас на телевидении снимается мхатовский «Репетитор», последняя роль Пилывской в театре, сыгранная три года назад.

А еще — преклонение перед творческим и человеческим даром Святослава Рихтера, встречи со старыми друзьями.

И все же «сквозным действием» для С. Пилывской стала преданность Художественному театру, радость, боль и смысл пятидесяти лет жизни в искусстве.

● Народная артистка РСФСР
Софья Пилывская.

Фото Е. Халдеа.